

К. С. Науменко о военных годах

Лицарева Александра Федоровна, ГБПОУ Колледж «Царицыно»

Запись сделана мной во время фольклорной экспедиции филологического факультета МГУ летом 2012 года в станицу Раздорскую Усть-Донецкого района Ростовской области (под руководством Диановой Татьяны Борисовны). Расшифровка и редактирование – мои.

Светлой памяти Татьяны Борисовны Диановой, педагога по призванию, посвящается

Клавдия Семёновна Науменко (в девичестве Сухарева) родилась 29 мая 1923 г. р., окончила 7 классов.

<Показывает книгу с автографом местного писателя Анатолия Шатохина, в которой с её слов написано о её семье. Зачитываю по просьбе К. С. фрагменты. Уваров Михаил Афанасьевич, дедушка К. С., и др. Два брата Уваровы – дядьки К. С., братья её матери: девичья фамилия матери К. С. – Уварова. Отец К. С. – Сухарев Семён Петрович. Стр. 329 - ... Раздорская на Дону: станица на рубеже пяти веков. Часть № 3 (1904 – 1920 гг.) *Алтаир*, 2012. 385 с. Комментарий: сундук хранится до сих пор, яйца Фаберже подарила дочери: семейная реликвия>

На фото К. С. Науменко. Фотография сделана автором статьи.

Мне 89 лет сравнялось недавно. Вот всё и валяюсь: с кровати на кровать. Кушать пока сама готовлю. Ещё соседка смотрит. Я ей 500 рублей плачу за то, что она утром смотрит: спросит, живая я или нет. А потом, если что случится, дочери позвонит. Дочка здесь живёт. Вот так и живу.

Рассказ о войне

Чудесная встреча. Чудесное спасение. «Добрый немец».

Бомбёжка станицы Раздорской.

Образ врага

- Как война началась?

- У нас семья была – четверо... пятеро детей было, трое на том свете: трое девчат было и двое ребят. Папа и мама. Хатка у нас небольшая была. Мы в 38-ом году... Вернее, коллективизация тогда была – отец с матерью уехали. Не захотели в колхозы входить – уехали в Шахты в 30-ом году. В Шахтах устроился он: в шахте работал 8–9 лет. В 38-ом году (я 7 классов кончила) и вся семья наша там была, потом приехали. Родилась я здесь.

Я там училась, в городе Шахтах. А в 38-ом году захотели родители мои переехать сюда снова. Приехали – а где хатка наша была – она развалилась, где мы жили, а место осталось. На этом месте слепили хатёнку... с глины. Комками, комками глину лепили, ложили где. Сестра уж секретарём в школе ушла работать, а я 7 классов кончила – попробовала в Пухляковский техникум сдать – не прошла. Просто не приняли что ли. Или срок прошёл, я не помню, почему, но не попала. В 8-ой класс сюда – думала дальше продолжить учёбу – как раз сестра замуж за учителя вышла, она и сейчас жива, ей 92 года, по телефону разговариваем с ней. Один класс набрали, а другой нет. И поступила ученицей на бухгалтера.

Брат 30-го года живой, 34-го года умер брат. Остались нас – две сестры и брат – живые.

Ну, вот, и я поступила ученицей на счетовода. Училась. Первый там курс – два – три месяца, потом работа, потом опять два – три месяца – работа. Я работала счетоводом в Раздорском – «Райпотребсоюз» назывался. В «Рабпотребсоюзе» – до войны. Папа жив же был.

И вот объявляют войну.

- По радио?

- У нас радио было. Война же утром рано началась. Ну, мы где-то в обед только узнали. Было воскресенье. Кто на работе, кто где. Только к обеду узнали, что война. Все расстроенные. Всё.

На следующий день пришли все: «Война! Война!» Ну что? Брата у того, у того... Кого куда забрали. Через месяц и отца моего забрали. Провожали мы его. Тут призывной пункт был недалеко. Сегодня там пустой двор такой военкоматовский. И вот вся семья с ним. В это время по Дону ходили такие пароходы колёсные, как вот сейчас моторные. Медленные.

Его в августе взяли.

Едет пароход этот. И баржа плывёт следом. На этой барже полно военных...

И вот подплывает этот пароход, и мы все идём провожать. Цветы, как сейчас помню, были цветы такие. Все плачем. Его погрузили. Не одного его, сколько человек там. Погрузили на эту баржу, и поплыли в Ростов-то. Его проводили и ни одного письма не получили. Нету, нету, тишина же. Ниоткуда ничего. Ни от брата (вдвоём с братом они ушли).

Оказывается, их довезли до Киева. В Киеве эшелон разгружать стали – раз – и сразу всех в лагерь немцы. Немцы сразу их окружили. В лагерь. Отослали их в город Нежин. И его, и брата там. И всё. И мы ничего не знаем. Война. Работаем там. И уже... в каком же... сорок первый год... где-то в январе, наверно, месяце сорок второго года... все же мы сидим там... начали давать, чтобы мы вязали рукавички, одеяла резали – давали, и сами свои там резали. Перчатки кроили. Из одеял перчатки же шили и отсылали. Посылки. Табак. Посылочки такие. Кто работал, кто не работал – дома. Мы тоже шили. Всё.

И в январе месяце сорок второго года сидим вечером: мороз какой. Стучится кто-то на улице. Вышли – из Шахты родственница, папиного брата жена приехала с ним. Он, оказывается, бежал из плена. Папа пришёл по Украине. И пока шёл, попал – под Таганрогом там, на Украине, хутор Синявка называется. Остался ночевать. Оставила его там вдова, искупала, обмыла его всего. А мороз-то какой! Он весь во вшах. Вши – ой-ёй-ёй, страшное дело. А ночью бой – и наши заняли это село. И его взяли. Он объяснил там

всё. Ну, отпустили его домой – в свой военкомат. Пришёл в Шахты. До Шахты добрался пешком. К родственникам. И с ними приехал, с женщиной вот приехал. Испугались. А она спрашивает: «Вы ждёте?» «Ждём. А нету». Мы входим. А луна там светит. Он там стоит в полушубке. Плачет стоит. Борода у него такая заросшая... 44 года было – как дед старый. Бросились мы его обнимать, целовать. Он говорит: «Снимайте с меня эту одежду: у меня вшей полно». На мороз выкинули. Обмыли, обкупали. Ну, всё. Утром пошёл в военкомат.

Пошёл в военкомат – они его порасспросили всего. И посадили. Бежать – бежал. По Украине. Такие были тогда права... законы. Его угнали. И угнали его куда-то в Краснодарский край. И шесть месяцев был там. В общем, попал он, когда бежал, в тюрьму. А там заняли немцы и освободили. Разбежались они все. Он при немцах домой пришёл.

Пришёл при немцах домой (куда ж его?) – его немцы не трогали. Так он с этой бородой и был. А потом уже, когда наши освободили, пришли, он вступил в рыбацкий колхоз, а там, в рыбколхозе, сохранялась броня. Не брали в армию. Вот он остался там рыбалить. Рыбачить.

И потом разобрались: послали, что он не виновен: всю армию, как везли (никого ещё не обмундировали, ничего), как были все, так и попали в плен. А он тогда бежать. Были там на кирпичном заводе. Кто в ямах, кто где – были по подвалам. Опухший весь его брат. Он брата подговаривал: «Давай бежать». А брат говорит: «Я не убегу». Опухший весь, опухлый. Папа – нет, а он опухший. «Нет, я, наверно, брат, не пойду. Говорят, немцы будут через две недели отпускать по домам всех». «Ты, как хочешь, а я побегу». И сбежал. И бежал-то всё по Украине.

- А брата и остальных ведь не отпустили немцы?

- Нет, нет, нет, так и погиб он. Так его и нету всё...

А он пришёл-то ведь, сбежал. Из плена шёл по Украине. Пока он шел ночами. Днём прятался где-то, а ночами всё больше шёл. И вот в степи он жёг костёр. И он жёг и пёк на огородах где-то: осень была. То картошку делает, печёт, то чего. Подходит к нему один, мужчина тоже, ночью: «Можно погреться?» «Погрейся» Один, значит, он в солдатской форме. «Ну, давай угощайся». Покушали этой картошки. Всё. Тот ему рассказал, откуда он: Миллеровская... город Миллерово тут, за Шахтами недалеко. «А я, мол, с Дона, такой-то, такой-то». Ну, тот: «Я пошёл» – «И я пошёл». Тот – бежать в одну сторону, наш – в другую сторону.

И уже прошло... сколько лет прошло... пришёл же этот домой. Я за («= про» – А. Л.) этот случай расскажу.

И, значит, пришёл он домой. Я уже замуж вышла. Замуж вышла – за мужа: он тоже в плену в Германии был. Потом в Норвегии был три года. Это уж потом. Я за него отдельно расскажу.

Вот когда он в плен попал, этот человек, который с папой встретился ночью, попал тоже в плен.

Папа с плена бежал, а этот был солдат. Я не знаю, как он – или разбили его часть, или чего, куда он добирался, я не знаю.

- А в плен он уже после разговора попал?

- Да, да, после разговора.

Его поймали немцы и в плен взяли. И вот он попадает вместе с моим мужем. Мой муж с `22-го года. Ну, где-то от него моложе лет на 10. И оба разговорились. И три с лишним года они были взяты в Норвегии. После их привезли сюда, когда наши освободили. И тот попадает к себе в Миллерово. А нашего... был, значит, часть воинская – ну, как их, на проверки в шахты, отправили под Москвой работать. Отправил письмо: родители тоже не знали, жив он или нет. Отправил домой письмо – ему пришло оттуда извещение, что отец и мать умерли, нету никого в живых. Пишут, что хата осталась и корова, тёлка. Он получил это и с горя выпил.

Собрались ребята: «Давай помянем родителей». Помянули родителей. «Давайте пойдёмте к девочкам». Пошли в село к девочкам. В Подмосковье было дело. А там местные ребята: «Вы такие-сякие!», раз считали: из плена пришли – на проверке. Подрались – и моему дали три года. Он ни домой не попал, ничего. Три года – на Север. А этот пришёл, этот-то всё.

Он отбыл на Севере, три года был, в Коми.

Отбыл – пришёл оттуда. Я не замужем была, не была замужем ещё-то всё. Его знали, что он отсюда: родители хорошие, он же хороший был, а попал же. Пришёл – я не знала его. Нас познакомили – мы поженились.

Поженились. Я сейчас не помню, год какой; прошло сколько лет. И он, значит, на проверку должен: до конца ж не добыл. Три года отбыл и пришёл. Пришёл – а тут начали восстанавливать же, на учёт брать. Пришёл в военкомат. А ему говорят: «У Вас снято звание». Он лейтенант: кончал сам училище в Орджоникидзе. «А с Вас снято по такой-то статье». «Что эта статья?» – говорит. «А это или власовцы, или предатели». Он хватил: «Что ты?» Чуть не убил этого райкомовского работника. И всё. И он с этого времени (поженились мы) как запил, и запил без конца. Устроился он – и всё у него не ладилось, всё не ладилось. «Давай отсюда уедем» Уехали в Новочеркасск. В Новочеркасске – там электровозостроительный завод. Он устроился туда. Выучился на токаря-лекальщика. Я на бухгалтера. И жили мы там. Выдвинулся он там – и пошёл, и пошёл. И стали портреты его носить. Нормы перевыполнял. Всё в почёте вот таком.

Отбыли там, значит, сколько. Мои родители тут же живут. И вот он... тянет его родина. Говорит: «Поедем снова сюда». Куда? Хатёнку продали эту родительскую. Корову – вместо коровы тёлку дали – ели, зарезали. `39-ый год. Поехали сюда.

Ну, у родителей там побыли до весны.

Весной построили на этом месте небольшую хатёнку. И тоже стали жить. Всё время – как выпьет – так у него обида: «Я предатель, я такой, я сякой» – не в почёте же. Что же это за такое. Всё.

А потом принесли газету – мы выписывали «Сельскую жизнь». Читаю – написано: «Норвежская быль». Стали читать – а там про лагерь, в котором он был, это Осло... Берген (город Берген), он в этом лагере был в плену. Говорит: «Ой, посмотри! Да это тот лагерь, в котором я был». Читает фамилии даже: Бондаренко, Изюмов. «Да это ж мы вместе в одном... вместе спали, на одних этих... Они шахтинские. Они, значит, из Шахты, другие с Миллерово. Да это ж мои такие-сякие». И там пишет, что они проводили там какую работу: агитации против фашизма или устраивали митинги.

- А его фамилия тоже была?

- Нет, его фамилия не была. А этих троих. «Да как же так? Да чего такое? Давай я поеду туда». И поехал в Миллерово. Приехал. И там же адреса. И там он всех троих там встретил. Встретились.

Они говорят: «Да мы твоей фотографии... Нету твоей фотографии. Пойдём». Ну, как теперь же дети ведут поиски, всё. «Мы о тебе писали». В школьном музее только твоей фотографии нет. А фамилию твою мы называли». Вот.

Приехал. Куда жаловаться? Надо восстанавливать, пока они живые были. Начали писать в город Подольск, по-моему, это всё, эти все данные собираются.

Оттуда присылают уже бумагу, что «никакой статьи у Вас нет. Вы чисты». Что по такой-то, такой-то статье освобождены, ничего у Вас нет, но мы не нашли, где Вы были. А он же осуждён был за хулиганство, за драку. Всё. И документ.

Он с этим документом и в военкомат, и туда-сюда. Восстановили. Тогда ж признали его, признали, что он участник войны и по ранению попал он в плен. Вот так вот чуть-чуть в это место, ниже этого, члена, вот тут, в место мягкое. И так у него и есть. «А какой же, – говорит, – я фашист? – всем доказывал, – я пленный. И на попе вот такая римская пятёрка: клеймили. Я клеймённый, каторжник». А кому докажешь? Никому не докажешь. А когда эти бумаги пришли, и стал он получать тогда. Назначили ему не

пенсию, а ... ну, да, пенсию. Участник как войны хоть стал он везде. Стали награды там выдавать: как конец войне. А то не человеком жил. Такая вот судьба.

- А Вашего мужа как звали?

- Виктор Андреевич Науменко.

Ну вот. Мы приехали сюда. Тут построились и живём.

Ну, ещё, как он после этого побыл там с друзьями-то, один из них, Бондаренко, на 9 лет его он старше, приехал сюда: «Поеду я к вам в гости». Вот. И приехали сюда с ним. Приехали. Вечер. Ну, давайте же позовём родителей моих на вечер. Такая встреча! Что тут вспоминали, как они в плену были, что они делали. Всё. Пришёл мой папа с мамой. И у нас на улице загородка такая. Сидят, разговаривают, а этот сидит, что который с Миллерово, и смотрит, и говорит: «Отец (он же постарше его), скажи, пожалуйста, я вот смотрю на тебя. Твои глаза мне такие знакомые. Вот мы с тобой нигде не встречались?» Он говорит: «Не знаю. Может, нигде...» «А ты где был?» «А я вот там-то был, там-то был» «А я там-то был» «А скажи, пожалуйста, у тебя не было такого случая: ты никого не угощал картошкой ночью над костром?» «Угощал» «А кого?» «Солдата в шинелишке такой-то такой» А! Как кинулись один одного обнимать! «Ай! Отец! Это ты! Ты мне сухари дал на дорогу! Я дошёл. А я же в плен попал» Через сколько лет! А какие случаи!

Вот эта ихняя вот такая. И всё. Потом они много лет знали между собой, уже помёрли, никого нету.

- А как звали этого человека?

- Бондаренко Иван. Есть книга «Норвежская быль», только автора я не помню. Они там писаны. А про моего там не писано: они не знали, что он жив или нет. Вот о войне этот рассказ.

Какие бывают встречи!

- А давали с собой какие-нибудь молитвы?

- Так это всех провожали. Зашивали куда-нибудь. Или в шов какой-нибудь в гимнастёрке. А нет – просто так брали.

Было – брали.

Я сейчас только «Отче наш» знаю. Сама я верующая, в церковь не хожу. Верую, что Бог есть.

- А были «добрые немцы»?

- Всякие. Я рассказывала вот в этой книжечке, я описывала, как они, когда вошли к нам, бомбёжка, бомбёжка, бомбёжка. Мы – куда бежать?

Мы жили – как раз напротив нас сделали мост такой понтонный: переправу. Переправа через Дон была. Ну, и всё время бомбят же эту переправу. И нам опасно. Давайте бежать. Куда? На тот край станицы. Там называется Базки (название части станицы – А. Л.). И вот я, значит, со мной брат Миша, племянник, Ваня, дома остался. А Миша, Володя и ещё сестры сынишка – и вот нас четверо. Побежали на тот край станицы. А лето, жара, июль месяц. Это когда немцы пришли, 20-го. Но их ещё не было, только бомбёжка. Ну, мы, значит, и побежали. А мать моя осталась и сестра тут, говорит: «А мы позакопаем вещи тут, какие есть, чтобы никто не растянул, и тоже придём туда, догоним вас». И братишка тоже Иван остался. Ему 16 лет было. А мы побежали. Прибежали на край станицы. А там – со мной вместе работала тоже счетоводом женщина... девушка. И мы к ним прибежали: у них погреб. И в погребе скрываться начали там. Мы днём прибежали, переночевали. А утром поднимаем – полный набитый погреб людей. А мы ничего с собой не взяли: думали, они ж прибегут: «Придём, принесём пышек». Печёны пышки. Пекли пышки. «Напечём пышки, принесём покушать чего». И вот эти хозяйка дадут нам то по кружке квасу дадут, то вода – во дворе колодец у них был. Голодные эти дети ко мне жмутся все. Я постарше. Брат 30-го года, брат 34-го и внук 39-го года... не внук, а сестры сынишка, мой племянник.

Утром все крестятся, молятся, пугаются: такая страшная же бойня, всё гремит, гудит, трещит всё. Утром открывается люк в погребе – немец с автоматом: «Выходите». Выводит нас всех во двор. Стоит танкетка небольшая. Не танк, танкетка. Из них, значит, вылезли два немца. И вот это – «Вылазь из погреба». Значит, вылезли. А среди нас были же мужчины. Мужчин отделили – отдельно. Скомандовали и повели неизвестно куда. И по сегодня – сей день – неизвестно куда. Всё. Наверно, постреляли. Человек пять мужчин. А детей много было, человек десять, но детей не трогали. Подпол большой ведь был. Не только мужчины – взрослые были. Вышли. А один повёл их немец куда-то. А этот, второй, встал у колодца, заставил женщину вытаскивать воду и стоит обмывается, обтирается, обливается. А там танк позади полынью украшен, замаскирован. Вот это они побыли, не тронули никого. А среди нас, значит, был один мужчина, с нами сидел в подполе. Но его никто не знал, кто он, как он сюда попал. А когда немцы открыли люк, повыходили мужчины, этот мужик – раз, к немцу подошёл, и по-немецки с ним разговаривает. Значит, шпион же. И разговаривает с ними. Поговорил по-этому. И ушёл. Он-то этих мужиков повёл. Ему дали оружие, он повёл их. И все один на одного смотрим, кто же он такой, откуда взялся. И так этой – и хозяйки тоже отец, у кого мы были, отец тоже не вернулся. Никто не знает, куда они делись: всё, исчезли. Может, они постреляли их. Или в доме, или куда покидали – неизвестно. Так он и исчез. А она беременная была.

Ой, Боже мой! Всё, ушли они. Пошли дальше. Всё. Никого тут нет. Давайте по домам расходиться. И затихло. Как вроде перестрелка перестала – и тишина. Стало тихо так, тихо. И вдруг – вот она бежит, моя сестра, с узелком, и братишка. Плачут. Они разэтовались. Бежали где-то у кого-то, искали, где мы. У кого-то тоже были. Бежали. Принесли нам пышек скорей: «Пойдёмте домой. Заняли немцы станицу. Пойдёмте домой». «Как же мы будем идти?» Сестра говорит: «Ты бери этого на руки, племянника этого, что я вроде как и женщина, может, тебя не тронут. А меня, если я была замужем, мне ничего не страшно» Мы идём по этому. А они – у них уже кухни по этому. На улице стоят. Кто пляшет, кто чего там – немцы. Идём, а они смеются: «Ва, ва, ва, пошла!» Орут там чего. Поли. А там один подошёл. А у неё завивка была. Она была платком покрыта, а он с неё снял: «Ва-а-а! Ва-а-а!». Кудри показывает, кудри. А этот у меня на руках: «Ма-а-ма!» «Да не трогайте вы их – пускай идут». Пустили нас. А с нами ещё была медсестра. Тоже ж там, тоже с нашего края. Мы на самом краю жили. А она тут немного ближе.

Зашли в самый центр станицы. Как раз тут был райком партии. Сейчас музей там. И рядом был гараж. Над почтой вот это здание высокое – напротив «Ёлочки» (название магазина – А. Л.). И напротив – гараж, а там сейчас не гараж, а какая-то выставка. Там был гараж. И вот доходим до этого гаража. Выходит оттуда немец: «Стойте!». Остановились. Он подходит к медсестре, берёт её за руку: «Пойдём». Ну, она в слёзы: туды – сюды. Плачет. Закричал: «Идите! Идите!» Под задницу всех детей: «Идите!» И мы пошли. А он её повёл. Куда он её повёл, что повёл – не знаем.

Ну и всё, пришли мы домой, в хату. Она ещё целая, только попробитая пулями, где поэтована. Но ничего – никого нет. И немцы там – 9 человек немцев. Поставили свои кровати – вот такие двухэтажные. Ложились. Пришли. А куда нам деваться? Рассказываем. Всё. Там переводчики. Видите, всё... «Идите в сарай» Мы пошли (лето ж) – в сарай, окопались, а они тут. И, оказывается, они ж на переправе. Начальство ж, переправа, они ж близко. И всё. Побыли они несколько дней, значит, тут. И переправу тут – не трогали никого. Пожилые больше. Не трогали. Сестра эта говорит: «Ой!» Рядом там крёстная жила, недалеко хатка там. Говорит: «Иди, наверно, там, туда, к крёстной. Там, у ней бабка старенькая, может, они при ней не тронут». Маме-то только ещё 40 с лишним лет было. А та бабушка старенькая. «Не тронут. Иди туда». Ну, и пошла я.

18 лет мне было. Пришла я. Крёстная-то рада. Корова у ней: «Ну, оставайся ночевать». Осталась ночевать у ней. «Сейчас пойдём корову доить. Будем корову доить. Тогда, мол, это... молока попьём. Всё». Никого ж нету. Бабушка тоже. И сын у неё с 30-го году. Ну. Стук-стук в окно со двора. А лампа керосиновая была. Ну, и выходит два немца:

«Молоко, яйца есть?» Яйца были. Даёт она. «Яйца, млеко, мед». Она отдала им. «А корова? Молоко есть?» Вот доить надо, показывает, доить. И мне шепчет: «Как будем – корову как пойдём доить, ты сбежишь, схоронишься куда-нибудь». А рядом дом же наш. Хорошо. Пошли доить, а он с нами – охрана. Не удалось мне сбежать. Пришли. В помещение посадили. Вот так вот. Как расположено – в хатёнку – вот так вот дверь. Вот так вот, как эта дверь. Напротив окошко. А тут вот так кровать. На этой кровати я в уголке сижу. Вот так села. Они стол поставили – как раз стол против дверей. И говорят: «Садитесь». Бабку не сажают. Пацана не сажают. «А Вы садитесь». «Ты будешь моя, а эта его». Поделили. «Ты моя будешь, со мной». Хвалятся, какие у них там семьи. Показывают фотографии.

Это мне говорят и бабушке. Она ещё не бабушка, ей 42–43 года. Вот так. Спрашивает: «Как тебе звать?» У него мать – как моя мама. Спрашивает, сколько лет. «18». Спрашивает: «Как тебя звать?» А я говорю: «Бурьян». Откуда у мене слово? «Будешь со мной: и самолёт, и Берлин. Моя будешь фрау» Я сижу плачу, плачу. Слёзы градом льются. Они смеются. «Ой, глянь, испугалась», – но по-своему всё. Один немножко коверкал слова. Плачу сижу.

И вдруг ни с того ни с сего сразу как бах. Всё. Самолёт. Слышит: самолёт летит.

Оказывается, наш кукурузник прорвался и бомбит их. Тут же переправа. На переправу. Тут теперь уже наши стали. Бросили, но небольшую бомбу. Она рядом с домом разорвалась. А волной – как в окно эта волна дала – и в дверь. А они двое как сидели немцы – а мы тут с нею рядом. Её ничего – вернее, она туда, дальше. А я к дверям ближе. И их вынесло туда, наружу. И меня вытянуло. Я очнулась – смотрю: пули мелькают, ничего больше. А не слышу. Вижу. А не слышу ничего. Попробовала – ни рукой, ни ногой. Парализовало меня – как контузило. И лежу. Глянула – немец. А светло было! Немец: у одного морда вот так в крови, а у того тут грудь в крови. И, значит, один подходит ко мне, тянет же туда-сюда. Я не могу ни встать на ноги, ни чего. Они вдвоём меня за руки и старую бабушку не тронули. А дитя, эту женщину и меня. Меня за руки за ноги тянут вверх, на горку. Там горка, а там выше немцы были. Тоже стоят там и орудия ихни, всё. Я не слышу ничего, вижу же только всё. Утянули только туда в окоп, а там «А-а-а!» Поднялись – и назад пихают: уходите, мол, отсюда. Они потянули меня дальше – и эту женщину с дитём, крёстную.

Дошли тоже до переулка, а там дом, жилой тоже дом. И в том доме как нижний этаж, а рядом погреб. Полно людей. Они только туда в хате, а там же народу полно. Нет. Дальше. У балки¹ дом был. А там родственники жили наши. Моего дедушки родной брат и семья ихняя. Открывают дверь – и туда. Они же угадали мене: «Ой, ой, ой!» Плачут, плачут: «Отпустите». Ну, этот немец им приказал: «Берите! А утром придёт доктор и полечит, мол». И плетут им: мол, и Берлин, и всё: «А это вот моя, такая-сякая». И ушли. А им же самим надо перевязка.

А! Ещё же... один же с бабки кофту сорвал и себе грудь обмотал. Друг друга себе перевязали, а энтот у ей платок хватил – платком вытирает, сами-то ототрутся. Меня не бросали. Ну, ушли они. И эти спрашивают мене, чего. Я не слышу, но рассказала им кое-как, чего и как. И эта женщина же им рассказала. Что делать? «Придёт же утром – тебя заберут». Я говорю: «А я уйду» «А куда же ты уйдёшь? Нас всех постреляют» Глянула – а там лежит брат двоюродный, лежит раненый в грудь, свой же, и тётка в ногу, его мать. А дом рядом их же. В ихнем доме их ранило – они сюда приползли. «И нас постреляют, и этих постреляют. Куда ж мы? Лежи ж. Ну, что теперь. И к утру меня отпустило – стала слышать немножко». Рассвело – всё, светло. Судили – рядили: «Ну, идите все вместе. Скажем ли, что вас забрали, ли кто пришёл. Что будет». И пустили нас. Пустили, значит. А крёстная и вот этот пацан прошли немножко – там домик. Стоит часовой. Остановили.

¹ Часть станицы; мост через ручей. – А. Л.

«Заходите в домик». Эта просит: «Такие-сякие, да отпустите, мы вот там живём», всё объясняет. «Идите». И она пошла к своему домику, я к своему пришла.

Прихожу – а тут же немцы, полно. «Кто? Что?» А рассказывает, сестра-то рассказывает. А там переводчик, переводит такой с разговорником, по-русски, разобрались. «А куда же она уходила?» «Боялась» «Да ну, у нас армия такая – никто не тронет, ничего». Ну, они до утра побыли тут. Все эти немцы сменились. Поступила новая партия. Уже двое стали только. А то было много их, человек 9 или 10, с кроватями, а эти остались и пустили нас в дом. Значит, мы под кроватями, а они двое на кроватях. Они насмеивались, раскачивались: «Матка, матка!» То вроде щупает, то лапат. Но не трогали.

Прицепился ко мне один этот немец. И во-о-о. «Как звать?» «Клава». Он: «Клара, Клара». А я... этот племянник от меня не отходит, охраняет же тоже мене. Валерой звать его, три годика, с 39-го года. А сестре – она с 20-го... она на 3 года меня старше... мне 18, ей 21 год. «Давай шоколадку тебе дадим, а я Клаву поцелую» «Не-не-не! Не-не-не!» А потом этот немец... А немец, значит, у него денщиком. А он сам австриец вроде. По-русски-то он с этим, с переводом. И говорит: «Вот он пошёл. Смотрите – я рабочий. А он пошёл туда-то туда-то, – и мне говорит на сестру, – она комсомол, а муж у ней в армии, военный, командир». «Ну и что?» «А ничего?» «Это будет моя», – он на меня. «А это твоя». Он: «Нет-нет». Он и рассказал, этот переводчик. О-о! что же делать? Значит, надо опять куда-то бежать. Что делать? Мама моя: «Ну, что делать – не знаю». А уже прошло-то дня два – три, наверно. Открыли уже этот... за Дон пошли войска ихние. Немцы пошли – и всё. А в Семикаракорях – 12 километров от нас – там тётка. Ну, что? «Может, туда, в Семикаракоры пойдёте, к тётке. Может, там как спасётесь» Не знаем. Этот переводчик и говорит, что «Я, мол, завтра устрою, вас переведу через мост, пустой. Пока этого нету, уехал там» «Одевайтесь в какую-нибудь одежду постарше, чтоб постарше выглядеть, золой вымажитесь, чтобы похожи были на беженцев. Я вас через мост переведу». И начал он на нас: «То и то», потому как придёт тот – изнасилует.

И вот он нас перевёл через мост. И пошли мы.

А идти надо лесом. Там дороги, дороги по лесу, по лесу. Они вот этой дорогой сюда, на Сусат.

А на Семикаракоры не шли. Сусат – тоже хутор. И вот они на Сусат двигали все войска, а мы на Семикаракоры пошли. Переплывать. Это мы вдвоём с сестрой пришли. А все дети тут остались. Пришли туда, в Семикаракоры, а у них один только немец – оставили как комендант – и всё. Полиция – и больше никого. Пришли – никто нас не тронул. Мы пришли к ним. А они на самом краю станицы этой жили. И, говорит, ночью над нами, тута, привозили евреев, расстреливали. Да. И мы остались там. Остались. Кто там то погреб копал, то чего. Всё помогали им. Помогали. А потом у неё же и душа болит: ребёнок там. Не знаем ничего. Он, дядька, взял нашу повозку (и лошади же брошены там бродили). Он взял нашу повозку и повёз нас. Привёз в дом. Пшеницы положил два мешка. Лодка там брошена. Мы на эту лодку погрузились и приехали домой. Спаслись, не тронули. Их уже нету, этих немцев, что были у нас, удрали. И остались живы мы.

Они пошли дальше, на Сталинград. А тут остались комендант, всякие такие прислужники. А эти же все – фронт дальше. А тут уже по станице могилы понарыли, кладбища устроили свои у станицы. Немцы. У нас в станице прямо. И прямо в центре памятники ставили, оградки. И нас начали гонять на уборку хлеба, полицаи эти.

Мы с ими не касались очень. Ну, пришли. Надо идти на уборку с сестрой в колхоз – хлеб убирать. Пришли туда, а там знакомую эту медсестру встретили, она тоже там, на уборке. «Таечка, ты жива!» «Жива. Ой! Что он со мной сделал! Изнасил» Но она-то уже не девушка была. Изнасил. Достаёт, говорит, пакет какой-то (там рядом магазин был), достаёт, говорит, пакет. Рейтузы, пачка. «На тебе – за работу» – за то, что он сделал. И ещё достаёт полмешка муки: «На тебе за работу, что я, значит, сделал». И она муку и рейтузы взяла и пришла, значит, домой. А муж у неё после пришёл, полковник в отставке. Разве можно ему это рассказывать? Не рассказала. После сына родила.

Вот что он с ней сделал – не считались. Ну, я избежала. Такие были дела. Ну что? Остались же они тут. Лето. Осень настала. Всё. Эти один к одному мальчишки, девчонки ходят: «Давайте посиделки». Вечера. На посиделки надо же разрешение брать у этих, у немцев. А так нет. Один раз мы собрались у одних (я рассказывала, есть в книге), значит, полицейский пришёл, разгонил всех. Нечего делать. А балалайка была одна у нас. Танцевали. Игры были. И песни были.

Игра

Играли в «Золото»: «Золото хороню, хороню». Берётся колечко или какая там вещь. Сидят все кругом. Садимся кругом все. Девчонки, ребята, выходит одна и поёт. Все поют:

Уж я золото хороню-хороню,
Чисто серебро перхораниваю.
Гадай-гадай, девица,
Отгадай, красавица,
Через поле едучи,
Русу косу плетучи.
Шёлком первиваючи.
Златом посыпаючи.
Ой, вы, девушки, вы, голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Моё золото отдайте,
А я вас зову!

И тот, у кого это «золото», поднимается, выходит, тогда он берёт это «золото», начинает ходить, танцевать. Вот это «Золото».

Молодые мы, 18, 17, 16. Молодёжь. Собирались.

Перетанцевать врага

А вот вошёл туда немец и говорит: «Кто меня перетанцует, если меня перетанцуете, – полицейский, наш, раздорский же он, – если вы меня перетанцуете, разрешу вам тогда вечер до 11, до 12 тогда ночи». А потом же всем расходиться надо. А ночью-то нельзя ходить. Значит, остаёмся все тут ночевать. Значит, и родители тут те, у кого мы. И мы танцуем. Кто танцует? Я танцора такая заядлая: все – и «Гапак», и «Казачок», и любую. Ко будет? Кто будет? «Клава, иди!» «Клава, иди!» «Давай, давай!» Клава – а у неё юбчонка там абы какая.

Играет – а мы танцуем:

Казак, казачок, казак миленький дружок,
Казак скачет, казак пляшет
Казак песенки поёт.

И так без конца – такой мотив. Этот брэнчит. А этот танцует до упаду.

И я танцевала-танцевала. Он уже и так, и сяк. Вся мокрая.

Так, это где-то... зима уж была, холодно, снег уже. Под 43-ий год. Ещё конец 42-го года. «Танцуете же. Ну, танцуйте. Ладно» Разрешил нам: танцуйте. А потом же домой расходиться. Как нам? Хочется же домой уходить. Вот. А тут же наш, из раздорских один, тоже его взяли в полицию, но он так – ни к чему был. Никого не убил. На вечер туда пришёл и остался. Может, года на 3, на 4 нас постарше. И говорит: «Я вас провожу домой». Я, ещё там одна девчонка – подружка была. Двоих провёл по домам.

А остальные, значит, кто задумал идти домой, их в центре, это было где-то между тем и тем (а им надо было через центр проходить), их задержали, посажали в полицию всех. Им не попало. Одна, значит, девка с ними была. Отец у неё немец там был, в `14-ом году... не в 14-ом, а в революцию был. В 14-ом году немцы-то были. Попал он в плен. Казак его взял в Сусате. Работником он был. А потом остался и женился на казачке, на этой дочери у богатого. Так он и остался. Тут, при нас. Сам он офицер, грамотный. И

говорил плохо по-русски, но говорил. И уже нажили они... у них трое или четверо детей было. А он же по-немецки всё хорошо знал. Пастухом работал. Как пленный. А потом её фамилию взял. А как немцы пришли – и узнали же, что немцы – всё. И взяли его в ихнее учреждение переводчиком. А у него две... три дочери. Одна из них как раз на этом вечере была. И тогда их посадили в полицию. А она говорит: «Я папке скажу, вам ещё попадёт». А он пришёл, всех распустил, поразвёл по домам. Не дал в обиду никого. И ребят распустил. Такой немец был. Фамилия Штыкбаум. Не делал зла никому. Многим помогал. А потом же наши пришли.

У нас он числился Покидышев. Григорий Покидышев. Ну, и всё. И он остался, при немцах же служил. Семья. И одна из них, дочка старшая, вышла замуж за нашего. Жена у него была – следователем работала. А он шофёром был. И попал в плен. Пришёл домой. А тут же при немцах это дело было. И его взяли. А жили они недалеко от этих вот, от немцев. И та дочка: «Нравится, пап! Освободи Гришку» Освободили – и устроили свадьбу. Поженились. Немцы стали отступать – они все уехали. Всю семью забрал он в Германию. Наши вернулись, туда пришли, и на Север немца. Семью сюда вернули, в Раздоры. И приехала вся эта семья домой. И остались они тут. Семья ещё доживает. Не знаю, куда он делся потом. Но не вернулся он.

Потом жители собирали тут подписи, что он не виновен. И потом уж дети говорят, что его реабилитировали. Знали, что он невиновен. И вот этот писатель тоже их же описывал за всё.

Что он не виновен. Заставили его – он выполнял. Никому зла не делал, многим помогал.

А мы, когда собирали эти вечера, и последний вечер, последний был вечер, на Базках там, может и слышали, легенда. Ребята – Аброткин, Болдырев, Чекунов – три. Это как они партизанам помогали, а мы-то ничего не знали.

- Мы видели: памятник стоит в парке...

- Калмык? Не местный. Это уже наши потом ему памятник поставили. Приезжали родственники ихние. Сказали, где похоронить, где оборона была, им неправильно показали оборону. А сестра, она там, в музее работала. Приехала: «Да мама моя рядом с переправой жила». Они приехали: в автобус меня взяли: «Подите покажите это место, где переправа была». Я показала и рассказала им, как была переправа, как бои шли – всё.

А они вперёд же, что над Пухляковской переправа была. Они всё исправили. Памятник поставили на этом месте. А то неправильно было показано. Они меня повезли показать. Я эту историю рассказываю, как вечера были. А не знала, что они записывают. Разговариваешь же в автобусе, рассказываешь. Много их там было человек. Деликов фамилия. Эрдни Деликов. Его родственница была. Племянница что ли.

Дочка принесла: «Мама, гляньте-ка!» Статью. Как книжечка почти. А я им рассказывала, как танцевала. Не знала, что они всё это записывают. Я им рассказала, где была переправа... а они же всё по-своему. У нас Иисус Христос, у них – Будда. Вот они по-своему поставили свечи, обряд сделали. Родственники обязательно приезжают на День Победы. И за Доном, где он погиб, памятный камень поставили.

- А почему именно ему памятник поставили? Он командиром был?

- Не командир. Он из ружья отстреливался, раненый уже. Там написано, сколько танков... Тут же в музее все данные.

- А какие Ваши любимые песни о войне?

- Свои никто не сочинял. Эта же «Катюша». «...Пусть ярость благородная вскипает, как волна. Идёт война народная, священная война» Я уже всю не вспомню.

Ой, всё забываю уже.

- А когда провожали в армию, пели песни?

- «**Последний нынешний денёчек**» - пели эту песню.

Последний нынешний денёчек гуляю с вами я, друзья,

А завтра рано, чуть светочек, заплачет вся моя семья,

Заплачут братья мои, сёстры,
Заплачет мать-отец родной.
Ещё заплачет дорогая, с которой три года гулял...

Какие в книгах, такие и пели песни.

Пели частушки всякие, казачьи песни распевали.
Я не помню уже.

Пройдите в комнату, направо, налево заверните, увидите фотографии на стенках.
<комментарии к семейным фото на стенах и в фотоальбомах, коврики из лоскутков показывает, почётные грамоты>

- Как Вы считаете, раньше лучше было жить или сейчас?

- Никому не угодишь. Раньше трудно было, но переносили. Моложе были. Как же нам обижаться, девочки? Теперь-то мы старые, а вы на нас работаете. Сколько с вас-то удерживают. А мы пользуемся да ещё недовольные. Сейчас маленькая пенсия, но пойдёшь в магазин – всё есть. Всё. Можно найти дороже, дешевле – себе, что хочешь.

- Войны нет...

- И мир! Мир – самое главное.

И не знаешь, на какую ногу хромать: и туда посылают, и сюда посылают. Теперь же гуманные: помогают². Ну, что сделаешь...

- А как после войны восстанавливали хозяйство?

- Ну, как восстанавливали? Так же тоже. Давали ссуды колхозам, кто был на оккупированной территории. Скот – всё поугнали. Ничего не было. То молодняк давали, то деньгами помогали. Тяжело было. В колхозе. Все же ходили. Я не была. Я как только отработала – так работала после войны всю жизнь. Я потом на нефтебазе дорабатывала оператором 10 лет последние. Не по специальности. А так – у нас все были служащие, вся семья. Не было в колхозе, не было. А люди переживали тяжело.

После войны – по карточке. По карточкам же всё. Ели. И траву ели. И всё было. 46-ой, 47-ой.

47-ой год тяжёлый был... 43-ий...

На карточку давали там хлеб: столько-то хлеба, сколько это. А так где-то. Я работала в министерстве. Так министерство называлось по заготовкам. Привезут – вы и знать не будете: макуха называлась. Это семечки перерабатывали на масло, а потом остаётся этот жмых. Высушивают его.

- От подсолнуха?

- Из подсолнуха, да, да.

- И потом вот этот жмых – потом делали с них лепёшки. Траву.

- Это уже в 47-ом?

- И в 47-ом. Трава была лебеда. Молодой щавель возле дома рвали всё.

А папа рыбак был. Рыбалил. Поэтому не очень тяжело переносили. А люди и жёлуди мололи ели, и всё. И всякие.

У нас соседи были – двое или трое детей. У них один сын калека. А дочка нормальная. И всё. И мать эта нигде не работала. И отец нигде не работала. И мои родители занимались огородом: больше огород сажали – и всё. А они всё больше над этим калекой были – ухаживали. Почти ничего не было. Весна. А голодный. Пожилой же мужчина, лет 60, наверно, было. Иду на работу – а он стоит – выше нас на бугорке, у дома. Вот так вот стоит. И ждёт стоит. Иду на работу – с собой возьму или пышки же вот печёные, или что – или рыбка: папа рыбак же. Чтобы на обед же не приходиться: далеко. Иду – а он стоит, заглядывает. Ну, что? Надо ж ему дать чего-то. Отломлю ему. «Спасибо.

² О том, что Россия всюду отправляет своих солдат, если попросят, чтобы не обострять ситуацию в мире. А люди гибнут. – А. Л.

Спасибо. Спасибо», – и целует всю. «Спасибо». Хоть не очень старый, но жалко – и всё. Дальше иду, а там крёстный мне мальчик³. Тоже их четверо детей. Отец войну проходил. Он там где-то попал к немцам. Немцы его к себе воевать против наших взяли. А наши потом поймали их – ему 10 лет дали. Вот он где-то.

- А крёстный – это Вы крестили? Или Вас крестили?

- Я. Меня водили в церковь. Мне 16 лет было. Мальчика водили крестить...

Иду – а он сидит на этих ступеньках. И девочка помоложе его на год или два. Сидят, как гулюшки. Ждут тоже. Я иду – они бегом: «Ма-амка крёстная!» Этот кричит: «Она моя! Не трогай! Не трогай!» Я им разделю – а сама так. Вот вчера дочке рассказывала. «Мама, так было?» «Так было». «А как же ты?» «А так вот – без обеда – и всё»

Иду домой. Кукуруза варёная. На мясорубку накрутим. Потом с этих пышечки пекли и ели. Сестра ездила на Украину – одежду меняла. Мою, например: была куртка такая у меня, взяла свои там – мужа костюм. Выменяла два мешка кукурузы. А зимой. На перекладных на этих, на товарных вагонах. Привезла в Шахты. А из Шахт да я пешком. В подоле возьмём эту кукурузу, несём. 45 или 50 километров. Вот такие были. Переживали. А сейчас живём. Молодёжь не довольна, конечно. Нонче с большими запросами молодёжь.

Я вон сейчас встала – два вареника съела, киселя сварила. Внучка приедет: «Бабушка, это не: я худею. Я это не ем. Я худею. Мне нельзя». «А что тебе?» «Колбаски, сырку кусочек». И она наелась. «А это?» «Нет, бабушка, я не буду есть» Я вот и селёдки поела немного. Давление же, нельзя. Я говорю: понемножку всё можно.

Правда, тогда всем было хорошо: раз ты кончил какую специальность – значит, и работу получишь. А сейчас вот видишь: молодёжи сейчас тоже. Туда устроиться – не так. Сюда устроиться – не так. Всё, в общем-то, не то. Такие дела.

- А вещи сны были в годы войны?

- Да нет. Я на это не особенно как-то верю. Не увлекаюсь. Сейчас: и колдуны, и то, и то...

Придёт дочка – я говорю ей: «Меньше слушать надо»

Это может вас склонить в другую веру и куда угодно. Если увлекаются – там церковь бросают: всё, идите – и им нравится куда-то, и в монашки. Я не – я противница этого. Я ни туда, ни сюда. Есть Бог – помолись, пожалуйста. В любом месте есть Бог. В церковь идти – мои ноги не дойдут. Я за свою жизнь раза три в церкви была, и то девчонкой. Нас как приучали: Бога нет. А теперь Бог стал – всё. И сами. И помолюсь теперь – и всё.

В войну же тоже же молились. И молитвы всякие.

- А Вы помните их?

- Я сейчас только «Отче наш» знаю.

А так длинные не запоминаю. А сейчас вот покушаю – и говорю:

Благодарю тебя, Христе Боже наш,

Яко насытил земных благ твоих.

Не лиши нас, Господи, небесного царства Твоего.

Вот и всё. Вот это вся молитва. А перед тем как есть – нарочно не показываю – не при всех, нет: детей же не воспитывали мы. Нельзя же было такое. И дочка, значит, сейчас же она работала директором клуба. Кончила институт же этот – по культуре. И всё. «Что же это такое – все ударились в моления?» Я говорю: «А пусть – у кого что нравится. Пусть, как хотят, поступают. Нравится тебе – ходи. Нравится – нет: воля твоя»

Я и детям не навязываю. У нас дочка-то одна. И вот особенно это...

Если бы они, эти колдуны, такие сильные были, они себе бы сделали в первую очередь... <...>

³ Крестник. – А. Л.

- Считается, большую роль в Победе сыграл Сталин или Жуков?

- По-моему, народ больше всего сыграл роль. Они руководили, а отвечал-то за всё народ. Сталин вынес и то, и то, и то, но всё-таки талантливый. А Жуков – и так говорят, и так говорят. И поступал плохо, и хорошо.

- А во время войны что самое страшное?

- Когда бои шли у нас. Два же месяца туда-сюда переходили – станица из рук в руки. Только что здесь были немцы – здесь наши через дом. Зимой. Мороз 32 градуса. Тридцать с лишним градусов. Мороз, метель, вьюга. А они – вот они – оттуда идут. Позёмка там вот, чуть-чуть дальше немного. А поля проходили. А у нас над полями домик был, прямо над переправой. И зима. А окна позабитые досками. А одна – так вот окошко оставлено – и вот смотришь – и дом через дом всё видно, как идут наши: «А-а-а!» А там бурьян растёт. Трава такая высокая. Называется чернобыль. Чёрного цвета. А земля же, снег белый. Они в маскхалатах. Идут в маскировочных халатах. Разведка первые шли. И по этому полю их видно – как все идут по этому всему. Белые же. А этот чёрный. По этому бурьяну. А выше нашего домика – дом. И в этом доме артиллерия стояла. Там орудия стояли. Пулемёты. Окна поставлены. И строчит. А выше нас – ещё так сбоку домик – там один пулемётчик. Всё же знали.

Вот знали. Воды когда. Вот утром – воды когда – до 9 часов побежим, нарубим. Наши оттуда стреляют, эти оттуда. И вот как будто они всегда давали передышку – и те, и те. Наши, наверно, пока позавтракали. Скорей, скорей воды набьём – понаберём со льдом. Тогда весь день потом воды – и всё: весь день.

Эти идут гуськом. А этот сзади нас, пулемётчик строчит. Они всё падают, падают. Это всё видно в окно. Дети же интересуются, забывают уходить. А мы в окно заглядываем.

- Это наших немецкий пулемётчик?

- Да. Их с горы видно всех, как на ладони. И вот смотрим – прямо к окну – наши, красноармейцы. В окно. Папа был дома: как раз пришёл с плена. Прибежал же. Дома был. В окно: «Откройте». Открыли – заходит двое. Двое заходит: «Не знаете, откуда это стреляют?» «Знаю. Вот выше нас прямо – из домика» «Сколько их?» «Да знаем, что пулемётчик. В окопы там пулемёт сидит. Пулемётчик». А в хатке этой жилые люди же больше. «А как нам забраться?» «А вот так» – от нашей хатки – такая канава. Тут заборов не было, а канава. Копали. Глубокую там канаву. Огорожена была. Как огород. Двое по этой канаве пошли. Пошли, пошли, пошли. «И, может, зайдёте сзади – он знать не будет». И они подошли к нему. И раз – ему нож в спину. И как пошли! И затих он! Не стал же бить он. Как пошли наши, как пошли.

Притянули к нам – узбек, раненный в спину. Перевязали и положили у нас на кровать. Печка с той стороны стояла. Холодно же. Положили. Он стонет. А те дальше пошли: пусть он, мол, у вас будет.

И вдруг открывается...

А! тут был ещё, значит, этот был, который перевязывал. Как он называется? Не сандружинник, а... Как-то перевязал. Ещё не успел уйти – а в окно немец – вот так вот. У него полушубок. В полушубке шапки нету. Без шапки. В окно: «Га-а-а. Га-а-а»

А этот раненый кричит: «Ой, фашист! Ой, фашист!» раз – выскочил. К нему сразу. А у него сзади торчит нож, в спине торчит – через этот полушубок прямо. Он к нему: «Такой – сякой, ты что здесь делаешь? Положи его» Он: «Плен! Плен! – кричит. – Возьмите в плен!» Немец просит, чтобы в плен взяли. «Мне двадцать две» – считает, сколько лет ему. «А! такой-сякой!» Нож у него выдернул – и этот покатился под бугор. Прямо к дому покатился. «Такой-сякой – он какой», – и ушёл. И всё.

Оставил этого раненого.

К вечеру – а дело было утро рано – через день. Кушать он ничего не берёт, не кушает. Стонет, стонет. Всё. Слышим: немцы. Сверху они отсюда шли. Их наши прогнали на гору. А к вечеру они. Танки подтянули – и они станицу занимают, немцы.

И забегают эти – солдат двое. «Отец, помоги!» И раненого же они взяли втроём – и потянули на ту сторону. У них же там были и подводы. И всё там. Тележки такие – раненых возили. Положили раненых – папа вернулся. Сосед прибегает, говорит: «У нас 12 человек». Побили наши, когда вошли. Вот этого немцы убили. А рядом дом – там 12 человек их было, командование вроде. Там старший ихний. И спали все. И наши их сонных – как были в белье – всех вывели в коридор – пострелять. 12 человек лежат в подвале. Сосед прибежал: «Сейчас немцы войдут – за каждого одного десять расстреливали наших. Увидят немцы. Что будем делать?»

Папа тогда говорит – а у нас корова была и стог сена стоял – и говорит. Когда пули они этого немца под гору, он подполз к этому сену – стогу, выкопал там и залез туда, в стог сена, и умер. А наши кинулись – след. Там же кровавый след. «Что же нам делать? Давайте засыпать снегом. Придут немцы – глянут: убитый». Пошли тогда это снегом затрусили, чтобы его не видно было. Ну, и ждут же. Те же скорей побежали тех. Там окоп был, они их в окоп сунули, мёртвых этих, позакидали снегом.

К вечеру – вот они, немцы.

- А те убитые в погребе?

- Они их вытащили во двор. Повытащили, побили во дворе. Во дворе бросили, потом же их в окопы позатаскали.

- Вы говорили: в погребе 12 человек...

- Нет, не в погребе. В доме. Дом. Дом большой был. Он там сейчас первый.

- Как их прятали?

- В окопы. Окопы же вырытые. Они туда их посовали. И закидали снегом. Чтоб не сразу хоть. Пока фронт пройдёт.

Тут к вечеру – вот они, немцы.

Ой. Ну ничего. Никто ничего не нашёл. Немцы. И как начались бои. То наши, то немцы. То наши, то немцы. 13 февраля – последний день, уже наши вошли. Последний раз. Всё. Остановились наши части отдыхать. На отдых. Гвардейские части были. На этих, на лошадях. Кавалеристы. Как их называли? Ну, вот и у нас остановился лейтенант, и с ним вот этот... прислуживал – ординарец назывался. С ним. Спрашивает: «Отец, как?» «Да так и так было. У нас тут ещё немец». «А ну где? Покажи» Тогда водили его показывать, открывали это сено. «Значит, давайте ж его закапывать». Папа – он тоже окоп тоже был – в окоп его. Там лежит.

И потом приходили ко мне, расспрашивали, это ж мои воспоминания были в книжечке. И потом – что ходят, ищут – приходили тут ко мне. Узнали, где я. спрашивают: «Вы не покажете?» Во дворе, где мы жили, схоронили. Ну, а уже сколько лет прошло. 60 с лишним лет. Тогда дерево росло – груша росла. Теперь не знаю. Теперь другие там живут...

«Пойдёмте, покажете». Пошла. Они копали, копали. И там, и там. Знаю – и как одет. И в чём. Всё. И груша. Под грушей. Так и не нашли. Деревья изменились. От этой груши другая груша, такая же точно. А 60 лет уже той груши нет. Как бы они её нашли?

А дальше, за двором, немцы, когда заняли станицу, туда ж пошли, на Сталинград, а оттуда пленных же – гнали сюда через переправу. А тут и переправу, и всё видно. И вот знали, кто с той стороны. Над берегом прямо. А люди кидаются в воду – пить: пить же хочется. А они стреляют, отгоняют, не дают им. Боятся. Или уплывут, или чего. Ой! Немцы наших пленных. А пленные же пить хотят – и в воду. Они стреляют – всё. Потом, говорит, через понтонный мост пешком же их ведут. И мимо нашего двора.

А мы, детвора, такие любопытные, выглядывали. Всё равно же бегаем, смотрим. Идут. Там, внизу, у нас огород был. И в огороде кабаки, ну, по-вашему – тыква – росла. Небольшие такие. Картошка там – всё. Весь огород. Они бегут, бегут. Один выскочил – и раз – кабак. Сорвал кабак. Кидает – и скорей же бить: или съесть. Голодные же все. Бах – его застрелили. За нашим двором. Ну и всё. И их погнали, погнали, погнали. Это уж потом: мы этого закапывали – так уже потом, это и вода ж тысячу раз смывала,

затапливало там водой же всё. Куда он там потом делся? Потом наши искали – не нашли. Или вымыло его с водой...

Потом они пришли, немцы, – у нас в огороде за Доном – километра 4 огород – там в стороне. Надо ж на огород ходить, чтоб не пропало чего. Ну, а тут этих через паром пропускали. Наши же были, полицаи, они знали жителей, пропускают на огород. И вот, я помню прекрасно, приходим с сестрой поливать. А там речушка была – Сал называлась, она неглубокая была. Широкая, но не очень глубокая. И с этой речки надо воду набирать и поливать там – помидоры, капусту даже. Брошенная же. Придём набирать – а он лежит, узбек, нерусский. Лежит лицом в воде. Как тут брать? Идём дальше – берём воды. Дальше. И там, там убитые лежат в воде. Некому убрать было. Всё.

А первое время женщина наша тоже пошла на огород. И шла. А он вылез, наш, раненый, вылез из травы. Она увидела его. Чегоо сделать? Она пришла с тачкой – помидоры собрать. Она его в тачку – и привезла сюда, в станицу. А тут же немцы. И врач наш был, Чертаков, хирург, его оставили немцы работать, как госпиталь сделали. Ну, привезли. Куда же его девать? Туда же. Он опытный был. Он его принял. Подлечил.

- А немцы знали о том, что раненого привезли?

- Ну, знали же они. Не знаю, как потом получилось, что он оттуда ушёл, с этой больницы, и у той женщины, которая его спасла, у ней прятался.

И после же, когда закончилась война, он прислал письмо с фотографией. Она была Покидышева Ульяна. Фамилия. И, оказалось, он без ноги: ногу ему отняли. Без ноги. И как он благодарил, что она его спасла.

А этого же врача – наши ж приехали: «А! На немца работал!» И осудили его. Как тут ни говорили, ни доказывали, что он же не виновен – ничего.

Ну, он – я не знаю, сколько лет посидел, – и отпустили его. Всё-таки разобрались и отпустили. Он приехал сюда – уже такой больной, старый, никудашний такой. Поселился у одной тут на квартире. А сам хирург был по специальности. И у него голова не стала работать. И вот он поймает кошку – оперирует кошку. Или собаку. Всё. Пенсию ему дали. Заболело у него горло. Рак горла. Трубочку вставили ему. Старый. Жена с сыном отказались тогда – раз враг народа – и отказались. И так он беденький умер у вдовы у этой. Такие судьбы.

<комментарии к фото в альбомах>

[Мы дочку Леночку взяли на воспитанию. Год и 10 месяцев было. Воспитали.](#)

[Вот она – семья наша большая.](#)

[Внучек – 18-ти лет машиной задавило.](#)

[Какие купальники – а сейчас открытое всё – все болезни от этого.](#)

[В платицах как хорошо было. А сейчас мальчик или девочка – не поймёшь. «Ой, какой хорошенький мальчик!» «Я не мальчик – я девочка».](#)

- А [колыбельные](#) Вы пели песни?

- Ну вот. Я внучку всё качала.

Ах ты, котя-коток. Котя – серенький лобок.

Приди, котик, ночевать, нашу внученьку качать.

А как я тебя, коту, за работу заплачу.

Дам кусок тирога и кувшин молока.

Ты уснешь на печи. Больше, котик, не проси.

Бабушка Ирина уложит на перину.

И всё. Кончаю – она глаза открывает: «Ещё «Котю», ещё «Котю». Ой, уже устала.

Дочка в музей: «Мам, дай мне своё старое платье!» В музее мой набор есть: убрали кровати. Покрывало было давношнее – давношнее, красивое. Не знаю, сохранили они или нет. Забрали в казачью горницу. Кружевное покрывало. А папа отдавал кремнёвое ружьё. Говорил, куда-то пропало. Брат мой ходил посмотреть: «Нет. Нету.

Куда-то делось. Кому-то потребовалось». А это я им в казачий курень – они брали подушки и пальто старого покроя, платья. Всё. Одежду. Наряжали. Дочка там всё работала: «Мама, дайте!» «Да забирайте, забирайте!» Я шила сама, вязала. Сама себе платья.

А это дочка в музее Аксинью играла.

- А как Вы о конце войны услышали?

- Как услышали о конце войны. Это же воскресенье, дома были. Потом соседи – кто откуда пришёл.

Моложе была – косы были. Глаза голубые. Красавица была русская⁴.

- Может, Вы вспомнили, как отмечали праздники – Троицу, например...

- Троицу – я не знаю. Церковные мы не праздновали. 7 Ноября, 1 Мая, 9 Мая отмечали. Ходили на майские праздники на демонстрацию. С демонстрации возвращались домой. Всегда пироги к этому времени. Всегда старались, чтобы праздник. Всегда готовили на стол. Собирались. И старались семейно. И поздравляли же всех открытками, телеграммами. А теперь телефон – почта не работает. Не стали присылать: поговорили – и всё. И марки дороже стали.

Песни я раньше пела.

Могу вам спеть.

Как у нашего соседа
Весела была беседа.
Ой, люли полюли да.
Весела была беседа.
Были гости молодые да
Кавалеры удалые.
Кавалеры с гусярами да,
А барышни танцевали.
Ой, люли – полюли да.
А барышни танцевали.
Я один-одинёшенек женился
Да жену-шельму не добился.
Ой, люли – полюли да
жену-шельму не добился.
Жена-шельма молодая да
Постелюшку узко стлала да.
Постелюшку узко стлала да.
С кровати пихала.
С кровати спихнула да
Ручку-ножечку спихнула да.
Ой, люли – полюли да
Ручку-ножечку спихнула да.
Стала ножечка болети да
Стала милая жалети да.
Ой, люли – полюли да
Стала милая жалети да.
Не жалея меня, родная, да

⁴ Клавдия Семёновна о себе. – А. Л.

Заживёт нога больная.
Ой, люли – полюли да
Заживёт нога больная.

- А когда эту песню пели?
- Вот гуляли когда дома. На гулянках.

- А военные песни помните?
- Ой, машина ты железна,
Куда милого завезла?
Ой, люли, ой-ёй-ёй,
Куда милого завезла?
Ой, машина, ты свисточек,
Подай, милый, голосочек.
Ой, ёй-ёй. Ой, ёй-ёй.
Подай, милый, голосочек.

А последние слова забыла.

Ещё одну песенку вам спою.

Помню, я ещё молодухой была.
Нет, не так...
Поздно вечером стояла у ворот.
Поздно вечером стояла у ворот.
Вдоль по улице стрелковый полк идёт.
Вдоль по улице стрелковый полк идёт.
На квартиру к нам заехал командир.
На квартиру к нам заехал командир.
Он был ранен и так жалобно стонал.
Он был ранен и так жалобно стонал.
Он сказал: «Красавица, напой водой!»
Он сказал: «Красавица, напой водой!»
Перепутала.
Напоивши, крепко рученьку пожал.
Напоивши, крепко рученьку пожал.
На прощанье он меня поцеловал.
На прощанье он меня поцеловал.
Сел – поехал. Я смотрела ему вслед.
Сел – поехал. Я смотрела ему вслед.
Жалко стало – помутился белый свет.
Жалко стало – помутился белый свет.
Лет семнадцать я вдовушкой жила.
Лет семнадцать я вдовушкой жила.
Четырёх сынов в солдаты отдала.
Четырёх сынов в солдаты отдала.
Не успела сына пятого отдать.
Не успела сына пятого отдать.
Как вернулся тот стрелковый полк назад.
Как вернулся тот стрелковый полк назад.
Голова...
На квартиру к нам заехал командир.

На квартиру к нам заехал командир.
Он был ранен и так жалобно стонал.
Он был ранен и так жалобно стонал.
Голова его покрыта сединой.
Голова его покрыта сединой.
Это тот, кого я поила я водой.
Это тот, кого я поила я водой.
И опять я молоденькой была,
И опять я всю ночь не спала.
И спать было невмочь:
Раскрасавец парень
Снился мне всю ночь.

И ещё одну песню. Вспомню начало...

И в тот раз приезжали. Когда ушли – вспомнила.
- А Вы запишите...
- Как Рождество христославили, Вам говорил кто?

Рождество –то – Христе Боже наш!
Воссия миру свет разума.
Небо звездой служащее
И звездой всяхуся.
Тебе кланяюсь, солнце правды,
Тебе видимся, светы Востока.
Господи! Слава Тебе!
Дело днесь присущему рождаеся.
Земля ли сердцем непроступному относится.
Ангелы с паствами благословят
И волхвы же пред тобою предшествуют.
Наш Бог ради родись.
Земля как предвечный Бог.
Радуйся! С праздником! С Рождеством Христовым!

Приходят же на праздник – и одариваешь подарками.

- Говорят, кроме того что славили, ещё щедровали. Это как?

- Святый вечер, добрый вечер.
Добрым людям на свят вечер.
Да приبلудилися да к этому дворцу да
Да к Науменкову.
Святый вечер, добрый вечер.
Добрым людям на свят вечер.
Один хвалится да вороним конём
Перед королём.
Святый вечер, добрый вечер.
Добрым людям на свят вечер.
А муж хвалится лисьей шубою да перед любою.
Святый вечер, добрый вечер.
Добрым людям на свят вечер.
А дочь хвалится да золотым кольцом да перед молодцом.

Ты, дядюшка пан, да ты выйди к нам.
Ты вынеси нам
вареньица блюдку
да сахару глудку.
А нет – так с руками, с ногами, да чтоб бегал за нами.

Ещё песню могу вам спеть.

Уж, вы бабочки лукушечки мои
Рассудите ж мою горькую печаль.
Рассудите ж мою горькую печаль.
Которую бабёночку очень жаль.
Которую бабёночку очень жаль.
Жалко-жалко мне бабёночку сию.
Жалко-жалко мне бабёночку сию.
Я не знаю, с какой поры притить.
Я не знаю, с какой поры притить.
С вечеру приду – семечка не спит.
С вечеру приду – семечка не спит.
В полночь приду – не смею разбудить.
В полночь приду – не смею разбудить.
Приди, приди, мой миленький на заре.
А я буду у великой суете.
А я буду у великой суете.
Сама ж тебя вином-чаем напою.
Сама ж тебя вином-чаем напою.
После чая волочаем назову.
Ты рассукин сын, мальчишка-волочай,
Зачем ходишь по тёмным ночам?
Зачем ходишь по тёмным ночам?
По ночам, ночам по тёмненьким.
По ночам, ночам по тёмненьким.
По бабочкам по молоденьким.
Будь ты проклят, не нуждаюсь я тобой.
Есть у меня на приметочке другой.
Сказал милый, что навек буду любить.
А теперь подлец глазами не глядит.
Мимо прошёл – мне и «здравствуй» не сказал.
А я ж тебя, моя милая, не узнал.
Если б узнал – фуражечку б приподнял.
Будь ты проклят, не нуждаюсь я тобой.
Есть у меня на приметочке другой.
А я ж его напоила, напою.
Через реченьку мосточек помощью.
Помощу мосты калиновые, перекладушки дубиновые.
Ходи, ходи, милый мой!
Ходи, ходи ко мне летом и зимой.